

Г.Д. Гловели

д.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт экономики РАН, Москва

А.А. Спадерова

студентка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ПЕРИПЕТИИ «ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОТЕКЦИОНИЗМА»

Аннотация. Статья обозревает исторический опыт реализации стратегий экономического развития в контексте учения Ф. Листа о «воспитательном протекционизме». Рассмотрены случаи имперской догоняющей индустриализации (германский «Второй Рейх», Мэйдзи Исин в Японии, пореформенная царская Россия), противоречия латиноамериканского импортозамещающего и юго-восточноазиатского экспортно ориентированного экономического роста, промышленная политика Министерства внешней торговли и промышленности в период японского «экономического чуда».

Ключевые слова: критика принципа сравнительных преимуществ, воспитательный протекционизм, национальная ассоциация производительных сил, промышленная политика, зарождающиеся отрасли, заходящие отрасли, двойственная динамика.

JEL: O14, O25, N13, N15, N16, B15, B29.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10205

Ф. Лист – идеолог «промышленного воспитания» нации

Фигура Фридриха Листа (1789–1846) на небосклоне экономической мысли является своего рода пульсаром – то предстает довольно яркой звездой, то тускнеет почти до исчезновения. Прижизненной известностью уроженец южнонемецкого королевства Вюртемберг, североамериканский бизнесмен и лауреат конкурса Парижской академии наук был обязан своей запальчивой критике фритредерского доктринерства и энергичной борьбе с мелкодержавной бюрократической косностью ради германского национального единства. Но неудачи в попытках увлечь политиков и промышленников «Срединной Европы» (*Mittleuropa*; термин введен Листом) проектами много более масштабными, чем германский таможенный союз 1833 г. (Zollverein), привели автора «Национальной системы политической экономии» (1841) к душевному надлому и самоубийству. Хотя в его родном городе Рейтлингене Листу был воздвигнут памятник (1850), а главная книга многократно переиздавалась в Германии, была переведена во Франции (1851), в США (1856), отрывки из нее – и в России (1856), влияние его идей поначалу было незначительным. Об этом можно судить, например, по «Проспекту политической экономии» И.В. Вернадского [Вернадский, 1858] или обзору П.А. Бибикова, приложенному к русскому переводу «Истории политической экономии в Европе» Ж.А. Бланки [Бибиков, 1869. С. 374].

Середина XIX в. была торжеством фритредерства (манчестерства) сначала в Англии, а затем по всей Европе [Cameron, 1997. P. 288], силой навязанного западными державами

России (1857), Японии (1858) и Китаю (1860) и едва не использованного Великобританией и Францией как предлог для военной помощи сепаратистскому рабовладельческому Югу в его конфликте с проводившим протекционистскую политику промышленным Севером США. Политику, без которой было бы невозможно то наращивание североамериканской мощи, к которому приложил, «оставив книги», свою энергию предпринимателя и агитатора Ф. Лист, увидевший за океаном «прогресс, для которого в Европе потребовался бы целый ряд веков: целые общества переходят от дикого состояния к пастушескому образу жизни, от этого последнего к земледелию и от земледелия к мануфактурной промышленности и торговле»¹.

Но «эра фритредерства» оказалась недолговечной, и с рубежа 1870–1880-х гг. крупные государства континентальной Европы вслед за объединенной О. Бисмарком Германией («вторым рейхом») повернули к «новому» протекционизму, «апостолом» которого был признан Фридрих Лист. «Национальная система политической экономии» прослыла одной из настольных книг Бисмарка, а в Берлине вышла биография «Фридриха Листа, великого экономиста Германии», написанная видным промышленником и юристом, будущим депутатом рейхстага Ф. Гольдшмидтом.

«Новый» протекционизм, взявший вслед за Листом под защиту окаркаатуренную А. Смитом и эпигонами Рикардо «меркантильную систему», замещал идею активного торгового баланса лозунгом «промышленного воспитания» нации – возвращения «юных отраслей промышленности» («*junge Manufakturkraft*») под защитой покровительственных таможенных тарифов вплоть до конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках.

Лист был признан и первым, кто систематически пользовался историческими сравнениями как орудием доказательства в политической экономии [*Gide et Rist*, 1909], – основателем «старой» исторической школы [*Шмоллер*, 1902. С. 56]. С поворотом к «воспитательному протекционизму» в экономической политике в германских университетах «новая» («молодая») историческая школа вытеснила либеральную классическую политэкономия, вопреки ей доказывая, что «невмешательство государства не есть естественное состояние» экономики [*Кулишер*, 1908. С. 53]. Более того, «новая» историческая школа стала оказывать сильное воздействие на экономическое образование в США, где не забывали аргументов А. Гамильтона в пользу тарифной и банковской поддержки «юных отраслей промышленности» (*infant industries*), и в вестеринизирующейся² Японии, где в основном для подготовки элитных бюрократических кадров Токийском университете (1877) доминировали последователи германских политэкономов. Даже в Англии, остававшейся цитаделью фритредерства, едва не оформилась «своя» протекционистская историческая школа, поддерживавшая германскую в знаменитом «*Methodenstreit*». Перевод «Национальной системы политической экономии» Листа был издан в Великобритании (1885); с него по заказу управляющего Банком Японии Томита Тецуносукэ был сделан японский перевод книги Листа (1889).

¹ Лист эмигрировал в США по совету знаменитого маркиза де Лафайета, с которым познакомился во время поездки в Париж, будучи «в бегах» от преследовавшей строптивого вюртембергского депутата германской полиции; Лист открыл в Пенсильвании залежи каменного угля и для их доходной разработки спроектировал и организовал сооружение одной из первых в стране железных дорог; вступил в Филадельфийское общество за повышение тарифов и содействие развитию молодой индустрии США. Пенсильвания, наиболее богатая из штатов по запасам строительного камня, минерального топлива и железных руд, задала тон в опережающем росте производительных сил США, а ее столица Филадельфия позднее приняла первую Всемирную выставку в США (официально – «Выставку искусств, промышленных изделий и продуктов почв и шахт»), продемонстрировавшую впечатляющие достижения североамериканцев в освоении естественных богатств и инновации в машинном оборудовании – горнопроходческом, энергосиловом, станочном и пр. [*Гловели*, 2013. С. 104–105].

² Япония «заразилась... лихорадкой» распространения западной цивилизации [*Кеннингем*, 1903. С. 16].

Историография экономических учений стала усматривать «истинную оригинальность Листа» в «динамической концепции благосостояния наций», а именно:

- ▶ акценте на большей важности *способности* создавать богатство нации (национальных производительных сил), чем богатства нации как такового, измеримого в меновых ценностях;
- ▶ обосновании протекционизма лишь для стран, достаточно обеспеченных промышленными ресурсами, но еще не достигших высшей – «аграрно-промышленно-коммерческой» – стадии хозяйства с «гармоничным» развитием национальных производительных сил;
- ▶ настоянии на прекращении покровительства тем промышленным отраслям, которые уже достаточно окрепли для свободной конкуренции с иностранными производителями [*Gide et Rist*, 1909. P. 330, 312, 315–316].

В России идеи Листа были взяты на вооружение С.Ю. Витте – автором брошюры «Национальная экономия и Фридрих Лист» (1889) и восходящим светилом имперской бюрократии. Вскоре он занял пост начальника вновь образованного Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, а затем и кресло министра финансов, выстроив свою «систему» экономической политики, поощряющей индустриализацию России. Идею основу для такой политики, как и для «русской национальной экономической доктрины», Витте нашел в «национальной экономии» и «воспитательном протекционизме» Листа. Краеугольным камнем виттевского «воспитательного протекционизма» стал запретительный «менделеевский» тариф 1891 г., совпавший по времени с выходом русского (хотя аляповатого) перевода «Национальной системы политической экономии».

Для российской интеллектуальной среды наследие Листа оказалось особо привлекательным страстной проповедью роста «национальных производительных сил», который имеет гораздо большее значение, чем накопление меновых ценностей [*Чупров*, 1918. С. 184]. А также концепцией стадийного развития хозяйства [*Никитский*, 1893. С. 1], положенной в основу аргументации об относительности экономической политики, подходящей для подъема национального хозяйства на более высокую ступень. Хотя стадийная схема Листа была гораздо примитивнее марксистского формационного подхода или концепций «молодой» исторической школы, именно со страниц книги Листа была услышана «победная песнь торжествующего капиталистического производства» [*Струве*, 1894. С. 125].

Но с переходом капитализма в кульминационную стадию «нового империализма» репутация Листа как политэконома, который «вовремя сформулировал назревшие потребности своего народа» [*Соболев*, 1896. С. 762], окрасилась в более густые, чем «воспитательный протекционизм», тона – геополитические. Ведь заключительная часть «Национальной системы политической экономии», посвященная общим для стран континентальной Европы «чрезвычайным интересам» в их борьбе с «островным господством Англии», представляет собой по сути геополитический трактат. Причем в патриотическом запале германского «заединства» Лист утверждал, например, что Швейцария – «не нация, по крайней мере, не нормальная или великая нация, а только конгломерат муниципалитетов», а Голландия – «провинция немецкая, отдалившаяся от Германии во времена немецких национальных раздоров» и «будучи лишь отрывком нации, хотела быть целой нацией» [*Лист*, 2017. С. 312, 373–374]. Последняя же книга Листа «Земельная система, мельчайшие держания и эмиграция» (1842) вводила в остроконфликтный геополитический контекст проблему сельскохозяйственной колонизации Среднего и Нижнего Подунавья как альтернативы массовой эмиграции молодых немцев в США. Придунайскую колонизацию Лист рассматривал как базу экспансионистского «Восточного царства немцев и мадьяр».

Эти «визионерские» преувеличения прямо вписывались в доктрины пангерманизма и «жизненного пространства» (*Lebensraum*), делая Листа предшественником геополитики «рейхов» – «Второго», а затем и «Третьего». После разгрома «Третьего Рейха» и превра-

щения кейнсианско-неоклассического мейнстрима в парадигму экономического анализа германская историческая школа в политэкономии ушла в глубокие «запасники» экономической мысли. По саркастическому замечанию мейнстримного теоретика экономического роста Р. Солоу никто не помнил бы о германской исторической школе, «если бы не Methodenstreit. Впрочем, о ней все равно никто не помнит» [цит. по: Арсланов, 2017. С. 5].

Классический посмертный труд Й.А. Шумпетера признал за Листом «одно свойство, которое характеризует великих ученых, а именно – великое видение положения своей страны» [Schumpeter, 1954. P. 479–480], но отрицал вклад Листа в аналитический аппарат экономической науки в противоположность такому вкладу, сделанному рикардовской «теоремой сравнительных издержек» [Schumpeter, 1954. P. 492]. В изложении истории экономической мысли на языке мейнстрима М. Блаугом Листу уже вовсе не нашлось места [Блауг, 1994].

Правда, игнорировать Листа в своем более позднем списке «100 великих экономистов до Кейнса» Блауг не мог. Но с оговоркой, что «Лист является одной из тех фигур прошлого, которые столь часто рекламировались и упоминались во вторичных источниках, что прочтение их собственных работ почти неминуемо приводит к разочарованию». Блауг отметил также, что в «последнее время Лист превозносится не столько как сторонник протекционизма, сколько как защитник амбиций развивающихся стран», и «сегодняшние защитники теории зависимости в экономическом развитии могут с полным основанием считать его своим предшественником» [Блауг, 2005. С. 167].

Упомянутые Блаугом идеологи, в первую очередь – латиноамериканские экономисты-«сепалисты», отправляясь от концепции «периферийного капитализма» Р. Пребиша [Пребиш, 1992], обосновывали импортозамещающую индустриализацию как стратегию преодоления структурной неоднородности экономики, отсталости и зависимости [Лав, 2015. С. 455–456]. Ф. Лист, с его убежденностью в необходимости «промышленного воспитания» для изменения структуры национальной экономики и «десятерной» полезности развития внутреннего рынка сравнительно с поисками богатств вне страны, действительно веком ранее этих идеологов критиковал фритредерский принцип сравнительных преимуществ как прикрытие ущербной односторонней специализации отсталых стран. Однако реализация стратегии «сепалистов», хотя и принесла прибегнувшим к ней латиноамериканским странам статус «новых индустриальных», не устранила их «зависимого развития» и была признана неудачной к 1980-м гг. Засим последовало «потерянное десятилетие для «третьего мира» [Ван дер Вее, 1994. С. 365] и улюлюканье адептов неолиберальной глобализации [см., напр.: Линдси, 2008. С. 164]. Стоит также заметить, что и в самой фундаментальной историко-экономической работе, имевшей отправным пунктом теорию зависимости экономически отсталых стран и вылившейся во внушительную попытку опровержения на историческом материале неоспоримого для неоклассических «ортодоксов» закона сравнительных преимуществ Д. Рикардо, – трактате И. Валлерстайна «Современная мир-система» – ссылок на Ф. Листа нет! [Валлерстайн, 2015. С. XXII].

По свидетельству Э. Райнерта, когда в 1984 г. Библиотека Бейкера при Гарвардском университете решила избавиться от книг, которые за последние 50 лет никто не запрашивал, среди них оказались почти все издания Ф. Листа. Еще через 10 лет один гарвардский профессор пожаловался Райнерту, что ему не хватает материалов этой библиотеки для статьи над сравнением идей Ф. Листа и А. Смита. «Я послал ему титульные страницы необходимых ему книг, на которых красовались аккуратные штампики с логотипом Гарвардского университета: «Списано». [Райнерт, 2011. С. 42].

Однако возрождение на рубеже XX и XXI вв. «структуралистской альтернативы» [Ореховский, 2014. С. 151] вновь оживило интерес к наследию Листа. В его аргументах о «производительных силах нации», включающих «интеллектуальный» (intellectual capital) [List, 1856. P. 218], или точнее «духовный капитал» (geistige Kapital) [List, 1841. P. 155], стали

усматривать отправной пункт идеи «национальных инновационных систем» [Freeman, 1995. P. 5–6].

В экспликации «Другого канона» экономической теории Э. Райнерт не только экстраполирует критику «космополитической экономии» Ф. Листом на современную ситуацию примитивизации структуры хозяйства стран, преждевременно вовлеченных в свободную мировую торговлю [Райнерт, 2011. С. 202–203]. Райнерт высвечивает вслед за Листом темную фигуру «меркантилиста» А. Серры, который первым уловил, почему изобилующие природными ресурсами страны остаются бедными, специализируясь на аграрно-сырьевых отраслях, а скудные ресурсами государства, наоборот, могут преуспевать [Райнерт, 2011. С. 67–68, 113]. Критерий – динамика отдачи: убывающей при закреплении односторонней аграрной специализации и возрастающей при рациональной поддержке зарождающихся отраслей промышленности и их диверсификации. В первом случае происходит, говоря словами Листа, «дальнейшее изуродование земледельческой нации», [Лист, 2017. С. 189]. Во втором возможны «экономические чудеса» вроде взлета «промышленного нового Востока» – Японии и поднявшейся за ней азиатско-тихоокеанской «стаи летящих гусей» [Райнерт, 2011. С. 171–172]. Ряд других современных авторов также проводит параллели между концепцией «воспитательного протекционизма» Листа и положительными результатами восточноазиатской промышленной политики [Jun Bogang, Gerybadze, Tai-Yoo Kim, 2016; Стадвелл, 2017].

225-летие со дня рождения Ф. Листа (2014) было отмечено международной конференцией в его честь в его родном городе Рейтлингене. Недавно вышел сборник статей на основе этой конференции [Hagemann, Seiter, and Wendler, 2018]; это уже не первая в XXI в. книга, посвященная наследию германского политэконома. «Национальная система политической экономии» дважды за последние годы издана в Российской Федерации, хотя и в плохом старом переводе 1891 г. Вековое досоветское противостояние «линии Смита» и «линии Листа» в отечественной экономической мысли [Гловели, 2009. С. 16] получило некоторое продолжение и в постсоветской России [Попов, 2007].

Ниже будет сделан ряд историко-экономических экскурсов, показывающих различные воплощения «воспитательного протекционизма», их противоречия и поучительные уроки.

Имперский опыт догоняющей индустриализации: «Второй Рейх», Мэйдзи исин, Россия

Стало привычным рассматривать покровительственные пошлины и другие «принципы промышленного воспитания нации» Ф. Листа как рецептуру «догоняющего развития» для стран поздней индустриализации [Гершенкрон, 2015. С. 84–85; Цедилин, 2014. С. 103], уделяя при этом первостепенное внимание опыту модернизации трех империй – Германской, Японской и Российской. Однако, как отметил А. Гершенкрон, во всех странах, проводивших индустриализацию после Англии, траектория роста отклонялась от линии развития британского первообразца в сторону иных институциональных механизмов [Гершенкрон, 2015. С.73]. В контексте обобщений Гершенкрона о градациях индустриальной отсталости стоит подчеркнуть, что ко времени, когда три указанные империи стали осуществлять набор рекомендаций Листа, в самых первых странах догоняющей индустриализации – Бельгии и Франции – был апробирован такой опыт промышленной политики, как стратегическое финансирование, ориентированное на крупные банки. Бельгийские инвестиционные банки Societe Generate de Belgique и Banque de Belgique «творили чудеса в стимулировании индустриализации своей маленькой страны» и упредили создание Национального банка Бельгии, с которого была скопирована модель Банка Японии [Cameron, 1997. P. 284, 273].

Французская система банкинга *Credit Mobilier* стала примером для уникальной модели долгосрочного кредитования промышленности и экспорта Германии универсальными «гроссбанками» [Гершенкрон, 2015. С. 69–70]. Координированный банкинг был интегрирован в политику «промышленного воспитания нации».

Особый интерес представляет выдвигаемое Ф. Листом в пике «космополитической экономики меновых ценностей» положение о том, что каждая отдельная нация является производительной настолько, насколько она способна усвоить и увеличить собственными приобретениями *духовный* («интеллектуальный», «умственный») капитал всего живущего человечества – «накопившуюся массу всевозможных открытий, изобретений, улучшений, усовершенствований и усилий всех живших до нас поколений». [List, 1841. P. 155; 1856. P. 218. Лист, 2017. С. 173], Опережающее промышленное развитие Германского «второго рейха» современники связывали с мировым лидерством, достигнутым тогда германской наукой (своего рода «научной империей»), опиравшейся на большое число поддерживаемых правительством университетов и высших технических школ, обилие справочной литературы и периодических изданий [Бернал, 1956. С. 318]. Достижения немецких ученых особенно были востребованы в новых отраслях промышленности – электрической, электрохимической, анилино-красочной, целлюлозно-бумажной и т.д. Промышленники создавали вместе с университетскими учеными лаборатории на предприятиях; но Германия также стала родиной техникумов – многочисленных школ ускоренного узкопрофильного технического образования, выпускники которых получали звание «инженера», отличное от «академически образованного инженера» [Техникум, 1901. С. 120].

О вкладе в мировую науку тогдашней Японии вопрос почти не стоял, однако Мэйдзи исин – эпоха «просвещенного правления» в Японии – принесла в ранее закрытую страну лозунг «мудрость и знание будут заимствоваться из всех стран света» [Азбелев, 1905. С. 74]. Политика открытости – «кайкоку» – стимулировала абсорбирование мировых знаний, посылку за границу студентов, государственных чиновников, ученых; приглашение «лучших мозгов» из западных стран [Fallows, 1995. P. 91–94]. Это и было разновидностью того «переноса производительных сил к нам» иностранцами, о котором писал Ф. Лист [Лист, 2017. С. 197].

В документе «Мнения об индустриальном развитии», принятом на основе материалов, собранных японскими посланцами в ходе посещения 15 государств Запада и Всемирной выставки в Вене, были определены приоритетные отрасли японской промышленности. Япония создала свою систему защиты интеллектуальной собственности, присоединившись к мировой патентной конвенции.

Ранние успехи Японии эпохи Мэйдзи были достигнуты при «удивительно малой численности собственных инженеров», но с обучением населения необходимым навыкам производства на рабочих местах [Стадвелл, 2017. С. 155]. Но одновременно была развернута сеть многочисленных школ промышленного образования, из которых более половины были дополнительными курсами для рабочих по различным специальностям. И к началу XX в. в «личном составе» выросших фабрик и контор западного образца, с импортным оборудованием и «всеми атрибутами западной деловой суеты», почти не осталось иностранцев [Азбелев, 1905. С. 75–76].

Различие накопленного инженерного потенциала обусловило, конечно, разницу результатов двух имперских модернизаций для международных рынков. Германские промышленные товары снискали высокую репутацию своим качеством. Известен казус с британским Законом о товарных знаках (1887) – требованием, чтобы иностранные товары были снабжены ярлыками с указанием страны-производителя. Эффект оказался прямо противоположным тому, на который рассчитывал британский парламент: ярлык «Made in Germany» не отпугивал британских потребителей от покупки, а, наоборот, привлекал [Cameron, 1997. P. 304]. Японские же фабриканты, устанавливая низкие цены благодаря

дешевизне труда, взяли за правило уловку «производства плохой имитации», ставя поддельные клейма зарубежных фирм [Исаев, 1910. С. 386].

Отсталость страны вынуждала японских реформаторов идти дальше «воспитательных пошлин» и рассчитывать не столько на тарифную защиту юных отраслей промышленности, сколько на стратегическое государственное предоставление капитала частным фирмам. Это, однако, было вполне в духе рекомендаций Ф. Листа о покровительстве «важнейшим отраслям, для которых потребны большие основные и оборотные капиталы, большое количество машин, равно как и масса технических знаний, ловкости и опытности, и большое количество рабочих сил» [Лист, 2017. С. 206]. После того как сравнительно окрепли оставшиеся от образованных в 1870-е гг. опытных фабрик предприятия, а экспорт шелка-сырца привнес иностранной валюты в японские финансы, правительство реинвестировало накопленный капитал в промышленность, начав новое широкомасштабное строительство заводов и продав при этом по низким ценам частным предпринимателям большую часть своих механизированных текстильных фабрик, предприятий в горной промышленности, судостроении, производстве цемента и листового стекла [Стадвелл, 2017. С. 155, 157].

Но быстрый, хотя по мировым меркам еще достаточно скромный, промышленный подъем Японии и впечатляющий промышленный рывок Германии не привели, как полагал Ф. Лист, к «разжатию» конкуренции на внутренних рынках этих стран после того как обозначились плоды «воспитательного протекционизма».

В начале XX в. германские политэкономы – как университетские последователи исторической школы, так и партийные идеологи социал-демократии – отметили, что протекционистская таможенная политика превращается в противоположность рекомендациям Листа. Вместо снижения и отмены охранительных пошлин, по мере того как крепнущие отрасли национальной промышленности выходят из «юношеского возраста», ставка тарифа возрастает, причем за высокие охранительные пошлины выступают как раз наиболее мощные, экспортно-способные отрасли промышленности, занятые, главным образом, производством средств производства и располагающие регулярным банковским кредитом для капиталовложений [Гильфердинг, 1959. С. 395, 394]. Совместное действие финансирования промышленности крупными банками и протекционистской политики при быстром темпе промышленного развития создало тенденции к картелированию. Тресты и синдикаты, в свою очередь, не только выдвинули новые протекционистские интересы, но и сомкнулись с интересами крупных земледельцев-юнкеров во главе с самим «железным канцлером» Бисмарком.

Лист рассматривал повышение цен на внутреннем рынке вследствие охранительных и покровительственных тарифов как временную жертву «выгодами в настоящем», приносимую ради «промышленного воспитания нации» и обеспечивающую «выгоды в будущем». Расцвет промышленности объединенной Германии казался сбывшимися «выгодами в будущем» и придал протекционистским призывам Листа ореол меткого экономического прогноза [Кондратьев, 2002. С. 562–563]. Но необходима существенная оговорка. Растущее влияние промышленных магнатов изменило функции высоких тарифов, предоставлявших возможность продавать дешевле на внешних рынках («бросовый» экспорт), а цены на внутреннем рынке взвинчивать благодаря картелированию, а затем синдицированию и трестированию. «Воспитательный протекционизм» переродился в «картельный протекционизм», стремящийся к постоянству «дани, наложенной на весь класс внутренних потребителей» [Гильфердинг, 1959. С. 391, 397].

Но этим германский «поворот в функциях протекционизма» не ограничился. Были преданы забвению рекомендации Ф. Листа не только о прекращении покровительства тем промышленным отраслям, которые уже достаточно окрепли для свободной конкуренции с иностранными производителями, но и о нераспространении «воспитательного про-

текциионизма» на сельское хозяйство. Бисмарк возглавил протекционистский «железный и ржаной» союз юнкеров и промышленных магнатов, заинтересованных в охранительных пошлинах, сдерживающих конкуренцию дешевого американского и российского зерна и британской тяжелой, особенно железоделательной, промышленности.

В Японии процессы концентрации и централизации промышленного капитала вследствие его финансиализации привели, как известно, к созданию дзайбацу – «финансовых клик». Они по гипертрофии охвата внутреннего рынка превосходили все формы монополистических объединений в ведущих индустриальных странах Запада. Старейший придворный торговый дом Мицуи разросся до финансового клана, охватившего сферы от добычи полезных ископаемых и оказания складских услуг до производства кроватей и лампочек. Молодой клан Мицубиси, возникший из дарованной правительством монополии на морские грузоперевозки, присоединял сначала смежные с морским транспортом предприятия: страховые, складские, ремонтные и угледобычу. (Заметим, что Ивасаки Яносукэ, брат основателя Мицубиси Ивасаки Ятаро, положил начало систематическому привлечению выпускников университетов на должности управляющих [Абе, 2001. С.342–344]). Дзайбацу были ориентированы на внутренний рынок и устанавливали на нем высокие цены, что избавляло их от необходимости завоевывать экспортные рынки, «оставленные» более мелким фирмам, производившим, как отмечалось выше, дешевую, но низкокачественную имитацию западных промышленных товаров.

Дисбалансы между внутренним и внешним рынками сопровождали и политику «воспитательного протекционизма», проводимую С. Витте и министерством финансов Российской империи. Несомненно, что в глазах Витте, сделавшего деловую и административную карьеру как инженер-путеец и снискавшего авторитет российского железнодорожного «тарифмейстера», особый вес «национальной экономии» Ф. Листа придавали подчеркивание роли «национальной системы путей сообщения» как важнейшего элемента национальной ассоциации производительных сил и та проницательность, с которой Ф. Лист оценил значение железных дорог. Сам Витте не только считал железные дороги «первостепенным орудием государственности», но и уделил специальное внимание повышенному значению этого вида транспорта именно для России. Помимо громадности расстояний и неблагоприятного положения относительно морских путей сообщения, проблемой для экономического роста России оказалась территориальная рассредоточенность месторождений каменного угля и металлических руд [Витте, 1997. С. 74] – в противоположность всем странам-лидерам индустриализации (Англия, Бельгия, США, Германская империя).

Много сказано о вкладе Витте в сооружение Транссиба и в целом о наибольшем именно в период руководства министерством Витте скачке прироста российской железнодорожной сети, но мало обращается внимания на тот факт, что наибольшей по грузообороту железнодорожной линией стала Екатеринбургская. Скромная по длине, она, однако, соединила Донецкий угольный бассейн и железные руды Кривого Рога, что, наряду с обеспеченным денежной реформой Витте приливом иностранных инвестиций, придало мощный импульс быстрому превращению Юга России в главный индустриальный район империи [Гловели, 2018. С. 427].

Министр финансов стремился использовать в целях «воспитательного протекционизма» и подъем совсем новой тогда не только для России, но и для мира отрасли промышленности – нефтяной. Витте увеличил акциз на главный продукт нефтепромышленности – «фотоген» (керосин), что привело к росту поступлений в бюджет от этого налога в 1893 – 1900 гг. с 16,4 млн до 25,5 млн руб. Однако при экспорте керосин не облагался пошлиной, что делало его выгодным для иностранного потребителя и позволяло российским нефтяным фирмам конкурировать на рынках Европы и Азии с североамериканцами и англичанами. В 1900 г. на долю Российской империи приходилось более 50% мировой добычи «черного золота», тогда как США – около 40%. Доходы, поступающие в казну от

нефтяного акциза, позволяли осуществлять крупные ассигнования на железнодорожное строительство, гарантировать казенный спрос на уголь, рельсы, подвижной состав, чтобы стимулировать транспортное машиностроение и разработку окраинных минеральных ресурсов. Однако созданные министром финансов ради проведения промышленной политики «тепличные» условия для нефтяного бизнеса потворствовали нефтеолигархическому демпингу и вздуванию внутренних цен на «фотоген». Керосин в России стоил около 2 руб. – более чем вдвое дороже, чем в Лондоне (83 коп.) и Гамбурге (98 коп.); внутреннее потребление нефтепродуктов почти не росло (за 1893–1900 гг. с 38 млн пудов до 40 млн пудов); в 1900 г. в стране, добывавшей более половины мировой нефти, среднелюдное потребление керосина (5,235 кг) было почти в 2,5 раза меньше, чем в Великобритании (12,270 кг), почти в 3 раза меньше, чем в Германии (15,133 кг), и впятеро меньше, чем в США (26 кг) [Степанов, 2018. С. 140].

Таким образом, с одной стороны, тарифное манипулирование позволило Витте осуществлять стратегическое финансирование в соответствии с выбранными отраслевыми приоритетами; с другой стороны, явно не соблюдались акцентированные Ф. Листом приоритеты внутреннего рынка. Результаты спекулятивной политики бакинских «нефтяных королей» отчетливо проявились в ходе промышленного кризиса 1900–1903 гг., когда вздутые цены резко упали (в 2,7 раза), а вместе с ними – и российская (бакинская) нефтепромышленность. К 1913 г. доля Российской империи в мировой нефтедобыче упала до 15%, а доля США возросла до 65%, причем российская нефтедобыча не достигла и 80% от пика 1901 г. [Гловели, 2018. С. 450]. Что, впрочем, не мешало баснословным доходам бакинских нефтеолигархов, извлекавших сверхприбыли из рентабельного недопроизводства в условиях несовершенной конкуренции.

Но все же, подводя итоги имперского опыта «воспитательного протекционизма», на первом плане следует отметить, что ускоренное возвращение отраслей промышленности стало заботой государств, преследовавших прежде всего военные интересы. На переоснащение армии и создание военного-морского флота была нацелена вестернизация Мэйдзинской Японии, превзошедшей все государства по доле военных расходов в бюджете. Первую оригинальную инновацию мирового уровня подданные микадо внедрили в производстве взрывчатых веществ [Азбелев, 1905. С. 177], а успехом в столкновении с Россией показали остальной Азии пример сдерживания «белого империализма» [Тоффлер, 1986. С. 278]. Германский картельный протекционизм подпитывал политику финансового капитала, толкавшую к милитаризму, маринизму и в итоге – к мировой войне, обрушившей «Второй рейх». Российская империя, также рухнувшая в ходе этой войны, была втянута в нее зависимостью от тех же французских капиталов, которые питали рост главного индустриального региона России [Гловели, 2018. С. 437, 448].

Примечательно, что в начале XX в. в Англии, теснимой на европейских рынках Германией, фритредеры стали обращаться к авторитету Ф. Листа, писавшего, при всех своих филиппиках против классической школы, что «воспитательный протекционизм» – мера временная и переходная к всемирному участию в свободной торговле стран «возмужалой развитой промышленности» [Рыкачев, 1903. С. 110]. Но мировая война заставила увидеть в «Национальной системе политической экономии», особенно в ее последней части, иное. «Знаменитое «Drang nach Osten», стремление завоевать – прежде всего, конечно, экономически, – Ближний Восток», набросанная «мастерской рукой» программа грядущей великодержавной политики Германии (борьба за Европейскую Турцию и Малую Азию, великий Багдадский железнодорожный путь и т.д.) – политики, «которая, к изумлению и ужасу патриотов завершилась Версалем, подытожившим разгром Германии на полях битв с Антантой» [Давыдов, 1927. С. 88–89].

Листовская идея «Срединной Европы» всплыла во время Первой мировой войны, а в годы послеверсальского унижения в Веймарской Республике возникло Общество

Фридриха Листа, издавшее многотомное собрание его произведений (1927–1932). В те же годы в разделенной Европе снискала некоторую популярность «Теория протекционизма» (1929) директора Центрального банка Румынии М. Мануилеску, идеи которого пересекались с распространившимися тогда корпоративистскими концепциями. Корпоративизм и автаркия, как известно, стали программными экономическими принципами «Третьего Рейха». В разгар Второй мировой войны была снята кинобиография Листа «Der Unendliche Weg» («Бесконечная дорога»), в главной роли с Э. Клэпфером, обладателем высшего в нацистской Германии актерского звания Staatsschauspieler. Такая «честь», конечно, не добавила Листу почета в истории экономических учений, однако в концепции «воспитательного протекционизма» стали видеть аргументы в поддержку «молодых отраслей», в которых изначально высокие затраты могут быть снижены в долгосрочном периоде за счет эффекта масштаба и внешней экономии [Лав, 2015а. С. 440]. Такие аргументы были сразу после войны развернуты в рамках структуралистской концепции импортозамещающей индустриализации как стратегии, используемой отсталыми экономиками во избежание ущерба от «ножниц цен» на мировом рынке, тяготеющем при свободной торговле к занижению цен на ограниченный круг сырьевых товаров из этих стран и завышению цен на разнообразную готовую продукцию передовых стран.

Импортозамещающий и экспортно ориентированный экономический рост

При рассмотрении «Национальной системы политической экономии» Листа, как правило, упускался такой ее аспект, как указание на опасность «раздвоения», сегментации национального рынка отсталой страны при ее свободной торговле с передовыми странами. Призывая к «национальной ассоциации производительных сил», германский политэконом настаивал, что развитие внутренней фабрично-заводской промышленности настолько увеличит емкость внутреннего рынка, что внутренняя торговля в 10–20 раз превзойдет внутреннюю торговлю наций чисто земледельческих и в 5–10 раз «самую цветущую внешнюю торговлю». При односторонней же земледельческой специализации во внешней торговле будут заинтересованы только приморские и приречные местности, но не большая часть национальной территории (внутренние области страны) [Лист, 2017. С. 268–269].

Историческим примером подобного пагубного «рассечения» своей территории под воздействием свободной внешней торговли для Листа была шляхетская Польша, чьи силы были «парализуемы опередившими ее в развитии нациями». Она экономически захирела и в итоге распалась как государство вследствие того, что ее дворянство предпочитало свободно «отпускать за границу бедные плоды труда своих крепостных и одеваться в более дешевые и нарядные заграничные одежды» [Лист, 2017. С. 237–238].

Век спустя экономисты-«сепалисты» описали похожую двойственную динамику стран периферийного капитализма. Под воздействием «ножниц цен» мирового рынка (и тем самым ухудшения условий торговли для периферийных аграрно-сырьевых производителей) и «демонстрационного эффекта» стандартов потребления передового «центра» экономика отсталых стран раздвоена на два сектора: архаичный, не связанный с мировым рынком, и внешнеориентированный, но обслуживающий воспроизводственный процесс капитализма «центра». Для преодоления этого дуализма была предложена стратегия импортозамещающей индустриализации как новая разновидность «промышленного воспитания» наций. Сепалисты обосновывали активное государственное вмешательство для перемещения факторов производства из экспортно ориентированных аграрного и сырьевого секторов в обрабатывающую промышленность, чтобы сократить долю отраслей, выпускающих товары с падающими ценами, и улучшить условия торговли.

Небезуспешное начало в 1950-е гг. стратегий импортозамещения в Латинской Америке, оживившее рост промышленного производства и занятости, довольно быстро сменилось разочарованием. Инициатор разработки концепции «периферийного капитализма» и альтернатив ему Р. Пребиш уже в начале 1960-х гг. признал неподконтрольность процесса импортозамещения, чрезмерное завышение пошлин, позволявшее развиваться в Латинской Америке неэффективным отраслям промышленности и еще более отдалявшее от конкурентоспособности на мировых рынках. [Лав, 2015. С. 463]. Выяснилось, что импортозамещение ограничивается в основном легкой промышленностью, не избавляя от продолжающегося импорта оборудования [Итуэлл, 2004. С. 431–432]. Правительство крупнейшей латиноамериканской страны – Бразилии, где сепалист С. Фуртаду возглавил специально созданное Министерство экономического планирования, – финансировало государственные предприятия по выпуску средств производства и стремилось привлечь иностранный капитал в отрасли, производящие предметы потребления длительного пользования. Однако процесс проведения импортозамещающей индустриализации в Бразилии был осложнен политическими обстоятельствами (т.е. попросту говоря, давлением США и военным переворотом).

Несмотря на то, что политика импортозамещения способствовала вхождению крупнейших латиноамериканских республик в число «новых индустриальных стран», ее теоретическое обоснование и практика подверглись в 1980-е гг. огульному отрицанию как ошибочный выбор на исторической развилке. Критики отмечали наслоения уровней протекционизма без соответствующего снижения защитных барьеров для уже развитых производств; усиление монополизма и влияния транснациональных корпораций, открывавших в Латинской Америке свои производства для преодоления таможенных барьеров [Лав, 2015. С. 458–461]. Нетрудно заметить сходство перечисленных проблем с теми, что возникали в странах имперского «воспитательного протекционизма» в конце XIX – начале XX вв. Снова задавался вопрос, оставшийся без ответа у Листа: каковы критерии установления «возраста» отрасли промышленности и определения того, достигла ли она зрелости, и, следовательно, протекционизм должен прекратиться [Шнигель, 2004. С. 603].

Латиноамериканскому импортозамещению, как неудачному «девелопментализму» и дестимулированию экспорта, стали противопоставлять стремительный экспортно ориентированный рост экономик Юго-Восточной Азии, сумевших «оседлать» новую волну расширения мировой торговли [Лав, 2015. С. 462]. Однако для успешных стран-экспортеров Юго-Восточной Азии первым шагом к построению экспортно ориентированной экономики была импортозамещающая индустриализация, что даже дает повод говорить об этих странах как странах «листианской девелопменталистской» политики [Metzler, 2006. P. 100].

Эталонным институциональным примером промышленной политики для «золотой эры» высокоскоростных темпов мировой экономики стало MITI (МВТП) – японское Министерство внешней торговли и промышленности (Ministry of International Trade and Industry). Оно было основано в 1949 г. для восстановления разрушенной войной экономики, но вело свою историю с 1925 г., когда было создано Министерство коммерции и промышленности вместо упраздненного Министерства сельского хозяйства. Первым министром был Такахаси Корэкиё (1854–1936), писавший тогда, что не считает противоположными доктрины А. Смита и Ф. Листа, так как оба великих политэконома стремились к утверждению теории, наиболее подходящей для их родной страны. Такахаси, политик и финансист, был ветераном преобразований эры Мэйдзи и другом Маеда Масана (1850–1921), который в 1884 г. выдвинул проект «Содействия промышленности», предлагавший создание Банка развития (*kogyo ginko*), который бы сосредоточил у себя дефицитные валютные ресурсы для направления их в приоритетные экспортные отрасли промышленности. Тогдашний министр финансов Мацуката, приверженец милитаризма, централизма и жесткой экономии, отверг план Маеда. Однако в самом начале 1950-х гг. такой Японский Банк развития был создан для долгосрочных кредитов отраслям, признанных ключевыми для промышленной и внешнеторговой политики MITI.

Через 10 лет японская экономика вышла на беспрецедентную траекторию высоких темпов промышленного роста, структурной трансформации и международной конкурентоспособности, проделав путь от «передовой развивающейся страны» до великой индустриальной державы. Следующее десятилетие, успешно осуществляя «план удвоения национального дохода» и поочередно обходя Италию, Францию, Великобританию и ФРГ по объему ВВП, Япония завершила триумфальным проведением своей первой Всемирной выставки (1970). Тогда замминистра МПТ И. Одзими позволил себе в докладе ОЭСР «Японская промышленная стратегия» покритиковать принцип сравнительных преимуществ, следование которому обрекло бы Японию на продолжение экспорта низкокачественного текстиля, дешевых игрушек и т.п. изделий и тем самым – «азиатского пути стагнации и бедности». С деятельностью МПТ Одзими связал иной путь Японии: выращивание «таких отраслей промышленности, как, например, сталеплавильная, нефтеперерабатывающая, нефтехимическая, автомобильная, производство машинного оборудования всех видов и электроника, включая производство компьютеров» (цит. по: [Ozawa, 2005. P. 50]).

Перечисленные Одзими отрасли, к которым, конечно же, надо добавить судостроение (первую отрасль, где Япония достигла, еще в 1955 г., мирового лидерства) и электротехнику (отрасль, с которой началось завоевание мировых рынков японской сложной потребительской продукцией высшего качества), соответствовали двум критериям, выработанным МПТ для максимизации темпов роста и оптимизации промышленной структуры: повышение производительности труда и эластичность спроса по доходу. Для стимулирования роста этих отраслей важное значение имели законы 1950 г. о контроле за иностранной валютой и внешней торговлей; эти законы предписывали направление ограниченных валютных резервов и помощь в лицензировании иностранных технологий промышленным отраслям с потенциально высокой международной конкурентоспособностью продукции. Для повышения международной конкурентоспособности, наряду с ограничением импорта конкурирующей продукции, использовались кредиты Японского Банка развития, предоставляемые под льготно низкий процент, и меры по интенсификации производства посредством координации инвестиционного процесса, слияний и кооперирования предприятий и др. [Ёнэмура, Цукамото, 1992. С. 88, 91].

Таким образом, промышленная и внешнеторговая политика МПТ была усовершенствована «воспитательного протекционизма», добавившим к нему, помимо разнообразия инструментов, еще целый ряд черт.

Она проводилась после демилитаризации и в условиях конституционно закрепленного запрета на рост военных расходов, а также после демонополизации (ликвидации дзайбацу, хотя прежние олигархические структуры и возрождались в иных организационных формах) и поощрения внутренней конкуренции.

Были четко обозначены сроки отмены «тепличных условий» для молодых отраслей промышленности, что «подстегивало» деловые круги к переоснащению и рационализации производства [Ёнэмура, Цукамото, 1992. С. 89].

«Воспитательный протекционизм» для зарождающихся отраслей (*infant industries*) был дополнен поддержкой «заходящих», стагнирующих вследствие структурных сдвигов отраслей (*declining industries*). Вопрос об отношении к таким отраслям остается открытым в мейнстримной экономической теории, в которой предполагается, что переток любых ресурсов из отрасли в отрасль осуществляется безболезненно и не стоит ничего или почти ничего. Но в реальности государству, которое не может и не должно предотвращать сокращение производства в старых, клонящихся к закату отраслях, приходится решать, какими способами обеспечить перелив трудовых ресурсов из этих отраслей в новые, находящиеся на подъеме, и «что делать с теми людьми, которые в результате этого перехода оказались за бортом» [Thurow, 1991. P. 162]. В самой Японии были осуществлены две пятилетние программы (1978–1988) по частичному сворачиванию этих «заходящих отраслей»: судо-

строительной, сталелитейной, алюминиевой, нефтехимической, текстильной, швейной. В результате получилась схема «селективного» протекционизма в форме конусовидной кривой [Тацуно, 1989. С. 72].

Реструктуризация промышленности была увязана с новым типом внешнеэкономических связей, который японские экономисты назвали «гусиным клином» [Akamatsu, 1962. P. 14] или «горизонтальным международным разделением труда» [Такэнака, 1988. С. 135–137]. Сущность этого типа заключается в разделении труда между странами в пределах одного – «вторичного – сектора, но высокоразвитая страна специализируется на высокотехнологичной и капиталоемкой продукции с высокой добавленной стоимостью, тогда как страна догоняющей индустриализации – на низкотехнологичной и трудоемкой продукции, продолжая ввозить капиталоемкие и наукоемкие товары. Но затем догоняющая страна осваивает – при помощи лицензий и иностранных инвестиций – и производство высокотехнологичных товаров, экспортируя их в страны «клина», «летающие сзади» и также постепенно подбирающиеся к выпуску продукции с большей добавленной стоимостью.

Так Япония, наращивая производство сложной бытовой техники, «сбрасывала» лишние мощности отработавших свой ресурс некогда ключевых отраслей (судостроение, черная металлургия, нефтехимия) в «новые индустриальные страны» (малые «драконы», или «тигры») Юго-Восточной Азии, прежде всего в Южную Корею, которая, в свою очередь, «сбрасывала» текстильную промышленность в страны Южно-Китайского бассейна и переходила к тяжелой и химической промышленности, а затем – к производству автомобилей, бытовой электроники и компьютеров [Райнерт, 2011. С. 171–172]. Апробация этой «эстафетной» модели «воспитательного протекционизма» – «гусиной» последовательности импортозамещения и расширения экспорта – стала фактором продолжения «японского экономического чуда» в высокоскоростном развитии стран Юго-Восточной Азии. Одновременно это был процесс выноса «заходящих отраслей» японской экономики в зарубежные филиалы японских ТНК, получивший в Японии название «кудока» («вымывание»), изображенный на рис. 1 [Лебедева, 2007. С. 82].

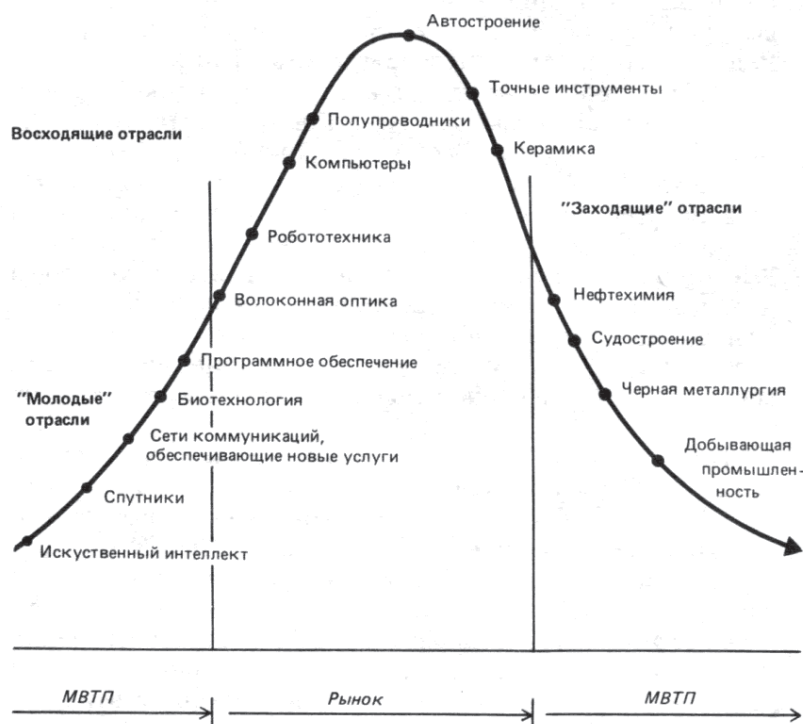

Рис. 1. Жизненный цикл отраслей и особенности регулирования
 Источник: Лебедева И.П. Японская экономика в условиях глобализации // Национальная экономика в условиях глобализации. М.: Магистр, 2007. С. 82.

Южная Корея, которая стала второй после Японии восточноазиатской страной, членом ОЭСР – по примеру Японии реструктурировала свою промышленность, прибегнув к поощрению почти того же набора отраслей – судостроения, черной и цветной металлургии, нефтехимии, машиностроения, электроники. Однако японская модель была ориентирована на финансовое самообеспечение инвестиционного процесса [Целищев, 2001], тогда как южнокорейская – на обильную инвестиционную помощь (США, ООН) и иностранные займы [Окрут, Фам За Минь, 1992. С. 37–39]. Последнее предполагало широкую открытость экономики, что изначально придало южнокорейскому экономическому росту отчетливые черты экспортно ориентированного. Заманчивое субсидирование поощряло предпринимателей к проникновению на зарубежные рынки: правительство кредитовало промышленные фирмы-экспортеры под проценты, вдвое-вчетверо меньшие, чем для остальных фирм [Стадвелл, 2017. С. 166].

Выход Южной Кореи на авансцену международной конкурентоспособности стал знаковым событием для мировой экономики. Примечательны (хотя достоверны ли?) свидетельства того, что в книжных лавках Сеульского университета в период «разгона» южнокорейской экономики были заметны издания «Национальной системы политической экономики» Ф. Листа [Стадвелл, 2017. С. 168]. Хотя едва ли «апостол протекционизма» одобрил бы столь ярко выраженную ориентацию на внешние рынки.

Перипетии восточноазиатского «чуда»

Успехи Южной Кореи и наряду с ней Тайваня, Гонконга и Сингапура в экспортно ориентированной индустриализации дали основание в начале 1990-х гг. признать регион Восточного и Южно-Китайского морей новым мировым полюсом экономического роста, а к тому времени широко размахивали «крыльями», то есть высокими темпами промышленного роста, следующие в «клине летящих гусей» Юго-Восточной Азии – Таиланд, Малайзия и Индонезия. Однако уязвимость модели экспортно ориентированного промышленного роста, зависимость от иностранного ссудного капитала и туземного неопотизма («crony capitalism»), болезненно проявилась в азиатском финансовом кризисе 1997–1998 гг. Одной из первых от кризиса пострадала Южная Корея, получившая тогда наиболее щедрый «пакет» финансовой помощи от МВФ (58 млрд долл.). Тем не менее обанкротилось 8 из 30 южнокорейских конгломератов-чеболей, включая второй по величине – «Дэу»; остальным пришлось реструктурироваться. А ведь чеболи формировались именно как экспортно ориентированные крупные частные компании, тесно связанные, однако, патрон-клиентскими отношениями с госчиновниками. Концентрация ресурсов в чеболях была прямым следствием «покровительственной» системы, поставившей размеры прибылей фирм и их развитие в прямую зависимость от величины экспорта их продукции. А гипертрофия заимствований и задолженности на международных рынках – следствием представлений о том, что благодаря тесным связям с правительственной бюрократией и огромным размерам чеболи неуязвимы.

Но если широко открытые экспортно ориентированные экономики «новых индустриальных стран» были поражены внешним экономическим шоком в конце 1990-х гг., то для Японии, остававшейся относительно закрытой, потерянным оказалось все последнее десятилетие XX в. Вплоть до начала 1990-х гг. Япония считалась претендентом на роль нового мирового экономического лидера, а японская промышленная политика, проводимая MITI, рассматривалась не только как образец правительственных действий, максимизирующих национальную конкурентоспособность, но и как альтернатива традиционной модели капитализма [Портер, Такеути, Сакакибара, 2005. С. 43]. Известный эксперт по конкурентным преимуществам наций М. Портер как раз в те годы издал свой *Magnum*

Opus [Porter, 1990]. Но несколько лет невидимый миру японский финансовый пузырь лопнул в 1991 г., ввергнув страну в затяжную рецессию. А ветер неолиберальной глобализации раздул настроения о нецелесообразности промышленной политики вообще. MITI, прославленное как институциональный «архитектор» японского «экономического чуда», прекратило свое существование, будучи в 2000 г. заменено METI – Министерством экономики, торговли и промышленности, ориентированным на либерализацию.

Именно в это время Портер подготовил с соавторами новую книгу – с характерным подзаголовком «Может ли Япония конкурировать?» и с пафосом отрицания эффективности японской промышленной политики. По мнению авторов, с одной стороны, японская политика «воспитательного протекционизма» – выделения целевых отраслей и селективной поддержки в соответствии с отраслевыми приоритетами – потерпела неудачу. Протекционистская поддержка не привела к конкурентоспособности таких отраслей, как самолетостроение, химия, фармацевтика, биотехнология, потребительские товары в упаковке, производство программного обеспечения и финансовые услуги; а с 1980-х гг. практически не появилось никаких новых экспортно-способных отраслей. С другой стороны, производство мотоциклов в 1960-х годах, аудиотехники в 1970-х, автомобилей в 1980-х и игрового программного обеспечения в 1990-х может служить примером конкурентоспособных отраслей японской экономики, развившихся без вмешательства правительства [Портер, Такеути, Сакакибара, 2005. С. 13, 41].

Не вдаваясь в обсуждение вопроса, насколько корректны³ выводы Портера и его соавторов, в том числе и противопоставляющих принцип сравнительных преимуществ селективной поддержке отраслей с высокой эластичностью спроса по доходу, обратим внимание на один аспект проблемы. Как некогда Ф. Лист, а затем сепалисты, Портер, хотя и в принципиально ином контексте, обращает внимание на дуализм японской экономики.

Существовало «две Японии». Япония, которую знали на Западе, «непобедимая Япония», была очень конкурентоспособной. Такие отрасли, как бытовая электроника и автомобилестроение, тянули за собой всю японскую экономику, обеспечивая рост экспорта и производительности. Но проблема заключалась в том, что подобных отраслей было немного, и рядом с ними существовала совсем другая, неэффективная, Япония.

Эта «неконкурентоспособная Япония» объединяла многие отрасли, которые хронически отставали по производительности. В этой Японии было «два сегмента». Один из них – это группа отраслей, так и не достигших экспортно-способной зрелости. Другой – «внутренние отрасли, такие как розничная и оптовая торговля, транспорт и логистика, строительство, энергетика, медицинское обслуживание и пищевая индустрия. Практически все эти отрасли неэффективны, но в них создано большое число рабочих мест, и они фактически оказались аналогом системы социального обеспечения, консолидации и реструктуризации этих отраслей препятствовал целый комплекс мер японского правительства» [Портер, Такеути, Сакакибара, 2005. С. 23].

Таким образом, и в высокоразвитой экономике сохраняется проблема, сыгравшая столь большую роль в перипетиях «воспитательного протекционизма», – «раздвоение», сегментация национального рынка. Ее «поставили на вид» фритредерству Ф. Лист, а позже сепалисты. Но ее не удалось решить стратегиями импортозамещающего и экспортно ориентированного экономического роста. Но едва ли исчерпывающими будут и меры, к которым призвали Портер и его соавторы-японцы: большая открытость страны для иностранных инвестиций, развитие венчурного капитала и кластеров, «улучшение деловой среды в целом».

³ В частности, явно спорное утверждение, что правительство сыграло «удивительно скромную» роль в прогрессе японского автомобилестроения.

ЛИТЕРАТУРА

- Абе И. (2001). Ивасаки Ятаро //Классики менеджмента / Под ред. М. Уорнера. СПб.; М.; Харьков; Минск: Питер. С. 340–344.
- Азбелев Н.П. (1905). О промышленности и торговле Японии // Мир Божий. № 10. С. 67–94.
- Арсланов В.В. (2017). Политическая экономия и государство: уроки «Methodenstreit»: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН.
- Бернал Дж. (1956). Наука в истории общества. М.: Иностранная литература.
- Бибииков П.А. (1869). Библиография замечательнейших сочинений по политической экономии // Бланки Ж.А. История политической экономии в Европе. Т. 2.: Пер. П.А. Бибиикова. СПб.: Тип. И.И. Глазунова. С. 321–422.
- Блауг М. (2005). Сто великих экономистов до Кейнса. СПб: Экономическая школа.
- Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело.
- Валлерстайн И. (2015). Мир-система Модерна I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского.
- Ван дер Вее Г. (1994). История мировой экономики. 1945–1990. М.: Наука.
- Вернадский И.В. (1858). Проспект политической экономии. СПб.: тип. П.А.Кулиша.
- Витте С.Ю. (1997). Конспект лекций о государственном и народном хозяйстве. М.: Фонд «Начала».
- Гершенкрон А. (2015). Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: ИД«Дело» РАНХиГС.
- Гильфердинг Р. (1959). Финансовый капитал. М.: Соцэкгиз.
- Гловели Г.Д. (2009). Геополитическая экономия в России: от дискуссий о «самобытности» к глобальным моделям (XIX – начало XX вв.). СПб.: Алетейя.
- Гловели Г.Д. (2013). Всемирные выставки как витрина и локомотив второй технологической революции // Экономическая политика. №1. С. 96–115.
- Гловели Г.Д. (2018). Экономическая история: Учебник для бакалавров. Т. 1. М.: Изд-во Юрайт.
- Давыдов И. (1927). Фридрих Лист – апостол протекционизма // Записки Научного общества марксистов. № 1 (7). С. 66–90.
- Ёнэмура Н., Цукамото Х. (1992). Опыт послевоенной Японии в реформировании экономики // Вопросы экономики. № 11. С. 82–92.
- Исаев А.А. (1910). Мировое хозяйство. СПб.: типо-лит. Шредера.
- Итуэлл Дж. (2004). Импортзамещающий и экспортно ориентированный экономический рост // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М. С. 430–433.
- Каннингем У. (1903). Западная цивилизация с экономической точки зрения. Средние века и Новое время. М.: тип. А.И. Мамонтова.
- Кондратьев Н.Д. (2002). Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения М.: Экономика.
- Косса Л. (1900). История экономических учений. Киев; Харьков: Южно-русское книгоиздательство.
- Кулишер И.М. (1908). Экономическая история как наука, и периоды в хозяйственном развитии народов // Русская мысль. № 7. С. 53–79.
- Лав Дж. (2015). Подъем и упадок экономического структурализма в Латинской Америке: новые аспекты // Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 453–490.
- Лав Дж. (2015а). Рауль Пребиш и возникновение доктрины неэквивалентного обмена // Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 411–452.
- Лебедева И.П. (2007). Японская экономика в условиях глобализации // Национальная экономика в условиях глобализации / Под ред. И.П. Фаминского. М.: Магистр. С. 66–88.
- Линдси Б. (2008). Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М.: ИРИСЭН.
- Лист Ф. (2017). Национальная система политической экономии: Пер. с нем. В. М. Изергина / Под ред. К.В. Трубникова. М.; Челябинск: ИД «Социум».
- Никитский А.И. (1893). История экономического быта Великого Новгорода. Предисл. С.А. Харизоменова. М.: Университетская тип.
- Норман Г. (1952). Становление капиталистической Японии: М.: Иностранная литература.
- Окрут З.М., Фам За Минь (1992). Модель экономического развития Южной Кореи. Путь к процветанию. М.: Финансы и статистика.
- Ореховский П.А. (2014). Структурализм как памфлет (О книге Э. Райнерта «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными». 2-е изд.) // Вопросы экономики. № 12. С. 147–153.
- Попов Г.Г. (2007). Национальное экономическое развитие в условиях глобализации: Фридрих Лист VS Классическая школа // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Том 5. № 4. С. 71–85.

- Портер М., Такеути Х., Сакакибара М. (2005). Японская экономическая модель: Может ли Япония конкурировать? М.: Альпина Бизнес Букс.
- Пребиш Р. (1992). Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА РАН.
- Райнерт Э. (2011). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Рыкачев А. (1903). Английские экономисты и протекционизм // Народное хозяйство. № 6. С. 104–112.
- Соболев М.Н. (1896). Лист, Фридрих // Энциклопедический словарь. Полутом 34. СПб. : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. С. 761–762.
- Стадвелл Дж. (2017). Азиатская модель управления: удачи и провалы самого динамичного региона в мире. М.: Альпина паблишер.
- Степанов В.Л. (2018). Нефтяная политика С.Ю. Витте в Закавказье (1892–1903 гг.) // Вопросы теоретической экономики. № 2. С. 136–145.
- Струве П. (1894). Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова.
- Такэнака И. (1988). Структурные изменения и новый этап развития японской экономики // Япония. Ежегодник. 1988. М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература». С. 124–142.
- Тацуно Ш. (1989). Стратегия – технополисы. М. : Прогресс.
- Техникум (1901) // Энциклопедический словарь. Полутом 65. СПб. : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. С. 120–121.
- Тоффлер О. (1986). Раса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. С. 276–288.
- Цедилин Л.И. (2014). Промышленная политика по Фридриху Листу // Вестник Института экономики РАН. № 6. С. 102–110.
- Целищев И.С. (2001). Японская модель роста: сбережения, кредитование, инвестирование // Мировая экономика и международные отношения. № 6. С. 87–96.
- Чуров А.И. (1918). История политической экономии. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых.
- Шмоллер Г. (1902). Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. М.: К.Т. Солдатенков.
- Шпигель Г. (2004). Национальная система политической экономии // Экономическая теория. / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М. С. 601–605.
- Akamatsu K. (1962). A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries // The Developing Economies, Preliminary issue No.1. Pp. 3–25.
- Cameron R. (1997). A Concise Economic History of the World: From Paleolithic Times to the Present. Oxford: Oxford University Press.
- Fallows J. (1995). Looking at the Sun. The Rise of the New East Asian Economic and Political System. New York.
- Freeman C. (1995). The “National System of Innovation” in Historical Perspective // Cambridge Journal of Economics, Vol. 19, Issue 1, 1 February. Pp. 5–24.
- Gide C. et Rist C. (1909). Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours. Paris: L. Larose & L. Tenin.
- Goldschmidt F. (1878). Friedrich List, Deutschlands grosser Volkswirt. Berlin: Verlag von Julius Springer.
- Hagemann H., Seiter S. and Wendler E. (2018). Introduction // The Economic Thought of Friedrich List (Routledge Studies in the History of Economics). Bosa Roca, United States. Pp. 1–8.
- Jun Bogang, Gerybadze A., Tai-Yoo Kim. (2016). The legacy of Friedrich List: The expansive reproduction system and the Korean history of industrialization // Hohenheim Discussion Papers in Business, Economics and Social Sciences. No. 02. Pp. 1–38.
- List F. (1841). Das Nationale System der politischen Ökonomie. (на нем. яз.)
- List F. (1856). National System of Political Economy. Transl. from the German. Philadelphia: Lippincott and Co.
- Metzler M. (2006). The Cosmopolitanism of National Economics: Friedrich List in a Japanese mirror // Global History: Interactions between the Universal and the Local. Ed by A. G. Hopkins. Basingstoke, N.Y. : Palgrave Macmillan. Pp. 98–130.
- Meyer H.C. (1955). Mitteleuropa in German Thought and Action (1815-1945). The Hague. Martinus Nijhoff Springer Dordrecht.
- Ozawa T. (2005). Institutions, Industrial Upgrading, and Economic Performance in Japan: The Flying Geese Paradigm of Catch-up Growth. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing.
- Porter M. (1990). The Competitive Advantage of Nations. N. Y.: Free Press.
- Schumpeter J. A. (1954). The History of Economic Analysis. Oxford University Press, New York.
- Thurow L.C. (1991). Declining Industries // The World of Economics. The New Palgrave / Ed. by J. Eatwell, M. Milgate and P. Newman. 2 ed. L. and Basingstoke: The Macmillan Press Limited. Pp. 160–163.

Гловели Георгий Джемалович

ggloveli@hse.ru

Спадерова Анна Андреевна

spaderova.anya@gmail.com

Georgii Gloveli

doctor habilitatus in economics, professor of National Research University «Higher School of Economics», head of Center of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ggloveli@hse.ru

Anna Spaderova

student, of National Research University «Higher School of Economics»

spaderova.anya@gmail.com

PERIPETICS OF «TUTELARY PROTECTIONISM»

Abstract. The article reviews the historical experience of implementing economic development strategies in the context of F. List's doctrine for the «promotion of industrial national education of the nation». Cases of imperial catch-up industrialization (Deutsches «Second» Reich, Meiji era in Japan, post-reform tsarist Russia), contradictions of Latin American import substitution and South-East Asian export-led economic growth, the industrial policy of the Ministry of Foreign Trade and Industry (MITI) during Japan «economic Miracle» are considered.

Keywords: *criticism of the principle of comparative advantage, « tutelary protectionism», national association of productive forces, industrial policy, infant industries, declining industries, dual dynamics*

JEL Classification: O14, O25, N13, N15, N16, B15, B29.

REFERENCES

- Abe I. (2001). Iwasaki Yataro //Klassiki menedzhmenta [Iwasaki Yataro // Classics of Management] / Pod red. M. Uornera. SPb.; M.; Khar'kov; Minsk: Piter. Pp. 340–344.
- Akamatsu K. (1962). A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries // The Developing Economies, Preliminary issue No.1. Pp. 3–25.
- Arslanov V.V. (2017). Politicheskaya ekonomiya i gosudarstvo: uroki «Methodenstreit» [Political Economy and the State: Lessons from Methodenstreit]: Nauchnyy doklad. M.: Institut ekonomiki RAN.
- Azbelev N.P. (1905). O promyshlennosti i trgovle Yaponii [On the industry and commerce of Japan] // Mir Bozhiy. № 10. Pp. 67–94.
- Bernal J. (1956). Nauka v istorii obshchestva [Science in the history of society]. M.: Inostrannaya literatura.
- Bibikov P.A. (1869). Bibliografiya zamechatel'neyshikh sochineniy po politicheskoy ekonomii [Bibliography of the most remarkable essays on political economy] // Blanki ZH.A. Istoriya politicheskoy ekonomii v Yevrope. T. 2: Per. P.A. Bibikova. SPb.: Tip. I.I.Glazunova. Pp. 321–422.
- Blaug M. (1994). Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive [Economic thought in retrospective]. M.: Delo.
- Blaug M. (2005). Sto velikikh ekonomistov do Keynosa [One hundred great economists before Keynes]. SPb: Ekonomicheskaya shkola.
- Cameron R. (1997). A Concise Economic History of the World: From Paleolithic Times to the Present. Oxford: Oxford University Press.
- Chuprov A.I. (1918). Istoriya politicheskoy ekonomii [The history of political economy]. M.: izd. M. i S. Sabashnikovykh.
- Cunningham U. (1903). Zapadnaya tsivilizatsiya s ekonomicheskoy tochki zreniya. Sredniye veka i Novoye vremya [Western civilization from an economic point of view. Middle Ages and New time]. M.: tip. A.I. Mamontova.
- Davydov I. (1927). Fridrikh List – apostol protektsionizma [Friedrich List – the apostle of protectionism] // Zapiski Nauchnogo obshchestva marksistov. № 1 (7). Pp. 66–90.
- Fallows J. (1995). Looking at the Sun. The Rise of the New East Asian Economic and Political System. New York.
- Freeman C. (1995). The “National System of Innovation” in Historical Perspective // Cambridge Journal of Economics, Vol. 19. Issue 1. 1 February.. Pp. 5–24.
- Gershenkron A. (2015). Ekonomicheskaya otstalost' v istoricheskoy perspektive [Economic backwardness in historical perspective]. M.: ID «Delo» RANKhiGS.
- Gide C. et Rist C. (1909). Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours. Paris: L. Larose & L. Tenin.
- Gloveli G.D. (2009). Geopoliticheskaya ekonomiya v Rossii: ot diskussiy o «samobytnosti» k global'nym modelyam (XIX – nachalo KHKH vv.) [Geopolitical economy in Russia: from discussions about “identity” to global models (XIX – early XX centuries)]. SPb.: Aleteyya.

- Gloveli G.D. (2013). Vsemirnyye vystavki kak vitrina i lokomotiv vtoroy tekhnologicheskoy revolyutsii [World exhibitions as a showcase and locomotive of the second technological revolution] // *Ekonomicheskaya politika*. 2013. №1. Pp. 96–115.
- Gloveli G.D. (2018). *Ekonomicheskaya istoriya: Uchebnik dlya bakalavrov. T. 1* [Economic history: a textbook for bachelors. Volume 1]. M.: Izd-vo Yurayt.
- Goldschmidt F. (1878). *Friedrich List, Deutschlands grosser Volkswirt*. Berlin: Verlag von Julius Springer.
- Hagemann H., Seiter S. and Wendler E. (2018). Introduction // *The Economic Thought of Friedrich List (Routledge Studies in the History of Economics)*. Bosa Roca, United States. Pp. 1–8.
- Hilferding R. (1959). *Finansovyy kapital [Financial capital]*. M.: Sotsekgiz.
- Isayev A.A. (1910). *Mirovoye khozyaystvo [The World Economy]*. SPb.: tipo-lit. Shredera.
- Itwell J. (2004). Importozameshchayushchiy i eksportoriyentirovanny ekonomicheskiy rost [Import-substituting and export-oriented economic growth] // *Ekonomicheskaya teoriya /Pod red. Dzh. Ituella, M. Milgeyta, P. N'yumena*. M.: INFRA-M. Pp. 430–433.
- Jun Bogang, Gerybadze A., Tai-Yoo Kim. (2016). The legacy of Friedrich List: The expansive reproduction system and the Korean history of industrialization // *Hohenheim Discussion Papers in Business, Economics and Social Sciences*. No. 02. Pp. 1–38.
- Kondrat'yev N.D. (2002). Bol'shiye tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya [Big conjuncture cycles and the theory of foresight]. M.: Ekonomika.
- Kossa L. (1900). *Istoriya ekonomicheskikh ucheniy [History of Economic Thought]*. Kiyev; Khar'kov: Yuzhno-russkoye knigoizdatel'stvo.
- Kulisher I.M. (1908). *Ekonomicheskaya istoriya kak nauka, i periody v khozyaystvennom razvitii narodov [Economic history as a science, and periods in the economic development of nations]* // *Russkaya mysl'*. № 7. Pp. 53–79.
- Lebedeva I.P. (2007). *Yaponskaya ekonomika v usloviyakh globalizatsii // Natsional'naya ekonomika v usloviyakh globalizatsii [Japanese economy in the context of globalization // National economy in the context of globalization]*. / Pod red. I.P. Faminskogo. M.: Magistr. Pp. 66–88.
- Lindsay B. (2008). *Globalizatsiya: povtoreniye proydennogo. Neopredelennoye budushcheye global'nogo kapitalizma [Globalization: a repetition of the past. The uncertain future of global capitalism]*. M.: IRISEN.
- List F. (1841). *Das Nationale System der politischen Ökonomie*.
- List F. (1856). *National System of Political Economy*. Transl. from the German. Philadelphia: Lippincott and Co.
- List F. (2017). *Natsional'naya sistema politicheskoy ekonomii [National System of Political Economy]: Per. s nem. V.M. Izergina /Pod red. K. V. Trubnikova*. M.; Chelyabinsk: ID «Sotsium».
- Love J. (2015). Pod'yem i upadok ekonomicheskogo strukturalizma v Latinskoj Amerike: novyye aspekty [The rise and decline of economic structuralism in Latin America: new aspects // *Origins: qualitative shifts in economic reality and economic science*]. // *Istoki: kachestvennyye sdvigi v ekonomicheskoy real'nosti i ekonomicheskoy nauke*. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. Pp. 453–490.
- Love J. (2015a). Raul' Prebish i vozniknoveniye doktriny neekvivalentnogo obmena [Raul Prebisch and the emergence of the doctrine of non-equivalent exchange // *Origins: qualitative shifts in economic reality and economics*] // *Istoki: kachestvennyye sdvigi v ekonomicheskoy real'nosti i ekonomicheskoy nauke*. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. Pp. 411–452.
- Metzler M. (2006). *The Cosmopolitanism of National Economics: Friedrich List in a Japanese mirror // Global History: Interactions between the Universal and the Local*. Ed by A. G. Hopkins. Basingstok., N.Y.: Palgrave Macmillan. Pp. 98–130.
- Meyer H.C. (1955). *Mitteleuropa in German Thought and Action (1815–1945)*. The Hague. Martinus Nijhoff Springer Dordrecht.
- Nikitskiy A.I. (1893). *Istoriya ekonomicheskogo byta Velikogo Novgoroda [The history of economic life of Veliky Novgorod]*. Predisl. S.A. Kharizomenova. M.: Universitetskaya tip.
- Norman G. (1952). *Stanovleniye kapitalisticheskoy Yaponii [Formation of capitalist Japan]*. M.: Inostrannaya literatura.
- Okrut Z.M., Fam Za Min' (1992). *Model' ekonomicheskogo razvitiya Yuzhnoy Korei. Put' k protsvetaniyu [The economic development model of South Korea. The path to prosperity]*. M.: Finansy i statistika.
- Orekhovskiy P.A. (2014). *Strukturalizm kak pamflet (O knige E. Raynerta «Kak bogatyye strany stali bogatymi, i pochemu bednyye strany ostayutsya bednymi». 2-ye izd.) [Structuralism as a pamphlet (On E. Reinert's book "How rich countries became rich, and why poor countries remain poor." 2nd ed.)]* // *Voprosy ekonomiki*. № 12. Pp. 147–153.
- Ozawa T. (2005). *Institutions, Industrial Upgrading, and Economic Performance in Japan: The Flying Geese Paradigm of Catch-up Growth*. Northhampton, MA: Edward Elgar Publishing.
- Popov G.G. (2007). *Natsional'noye ekonomicheskoye razvitiye v usloviyakh globalizatsii: Fridrikh List VS Klassicheskaya shkola [National Economic Development in the Context of Globalization: Friedrich List VS Classical School]*. // *Ekonomicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 5. № 4. Pp. 71–85.
- Porter M. (1990). *The Competitive Advantage of Nations*. N. Y.: Free Press.
- Porter M., Takeuti KH., Sakakibara M. (2005). *Yaponskaya ekonomicheskaya model': Mozhet li Yaponiya konkurirovat'? [Japanese economic model: Can Japan compete?]*. M.: Al'pina Biznes Buks.

- Prebish R.* (1992). *Periferiyyny kapitalizm: yest' li yemu al'ternativa?* [Peripheral capitalism: is there an alternative?]. M.: ILA RAN.
- Reinert E.* (2011). *Kak bogatyye strany stali bogatymi, i pochemu bednyye strany ostayutsya bednymi* [How rich countries have become rich, and why poor countries remain poor]. M.: ID GU-VSHE.
- Rykachev A.* (1903). *Angliyskiye ekonomisty i proteksionizm* [English economists and protectionism] // *Narodnoye khozyaystvo*. № 6. Pp. 104–112.
- Schmoller G.* (1902). *Narodnoye khozyaystvo, nauka o narodnom khozyaystve i yeye metody* [The national economy, the science of the national economy and its methods]. M.: K.T. Soldatenkov.
- Schumpeter J. A.* (1954). *The History of Economic Analysis*. Oxford University Press, New York.
- Sobolev M.N.* (1896). *List, Fridrikh* [Liszt, Friedrich // Encyclopedic Dictionary] // *Entsiklopedicheskiy slovar'*. Polutom 34. SPb.: F.A. Brokgauz, I.A. Yefron. Pp. 761–762.
- Spiegel G.* (2004). *Natsional'naya sistema politicheskoy ekonomii* [National System of Political Economy // Economic Theory] // *Ekonomicheskaya teoriya / Pod red. J. Iwella, M. Milgeyta, P. N'yumena*. M.: INFRA-M. Pp. 601–605.
- Stadwell J.* (2017). *Aziatskaya model' upravleniya: udachi i provaly samogo dinamichnogo regiona v mire* [Asian management model: good luck and failures of the most dynamic region in the world]. M.: Al'pina publisher.
- Stepanov V.L.* (2018). *Neftyanaya politika S.YU. Vitte v Zakavkaz'ye (1892–1903 gg.)* [Oil Policy S.Y. Witte in Transcaucasia (1892-1903)]. // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. № 2. Pp. 136–145.
- Struve P.* (1894). *Kriticheskiye zametki k voprosu ob ekonomicheskoy razvitiy Rossii* [Critical notes on the issue of the economic development of Russia]. Vyp. 1. SPb.: Tip. I.N. Skorokhodova.
- Takenaka I.* (1988). *Strukturnyye izmeneniya i novyy etap razvitiya yaponskoy ekonomiki* [Structural changes and the new stage of development of the Japanese economy] // *Yaponiya. Yezhegodnik*. M.: Nauka. Izd. firma «Vostochnaya literatura». Pp. 124–142.
- Tatsuno S.* (1989). *Strategiya – tekhnopolisy* [Strategy – technopolises]. M.: Progress.
- Tekhnikum* (1901) // *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Technical School (1901) // Encyclopedic Dictionary]. Polutom 65. SPb.: F.A. Brokgauz, I.A. Yefron. Pp. 120–121.
- Thurow L.C.* (1991). *Declining Industries* // *The World of Economics*. The New Palgrave. / Ed. by J. Eatwell, M. Milgate and P. Newman. 2 ed. L. and Basingstoke: The Macmillan Press Limited. Pp. 160–163.
- Toffler O.* (1986). *Rasa, vlast' i kul'tura* // *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [Race, power and culture // New technocratic wave in the West]. M.: Progress. Pp. 276–288.
- Tsedilin L.I.* (2014). *Promyshlennaya politika po Fridrikh Listu* [Friedrich List List Industrial Policy] // *Vestnik Instituta ekonomiki RAN*. № 6. Pp. 102–110.
- Tselishchev I.S.* (2001). *Yaponskaya model' rosta: sberezheniya, kreditovaniye, investirovaniye* [The Japanese model of growth: savings, lending, investment] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. № 6. Pp. 87–96.
- Van der Wee G.* (1994). *Istoriya mirovoy ekonomiki. 1945–1990* [The history of the world economy. 1945–1990]. M.: Nauka.
- Vernadskiy I.V.* (1858). *Prospekt politicheskoy ekonomii* [Prospect of political economy]. SPb.: tip. P.A.Kulisha.
- Wallerstein I.* (2015). *Mir-sistema Moderna I. Kapitalisticheskoye sel'skoye khozyaystvo i istoki yevropeyskogo mira-ekonomiki v XVI veke* [World-system of Modernity I. Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the XVI century]. M.: Un-t Dmitriya Pozharskogo.
- Witte S.Y.* (1997). *Konspekt lektsiy o gosudarstvennom i narodnom khozyaystve* [Summary of lectures on the state and national economy]. M.: Fond «Nachala».
- Yonemura N., Tsukamoto H.* (1992). *Opyt poslevoynnoy Yaponii v reformirovaniy ekonomiki* [Experience of post-war Japan in reforming the economy] // *Voprosy ekonomiki*. № 11. Pp. 82–92.